

12+

ВЛАДИМИР БЕЛОУСОВ

Злой добрый Рок

Владимир Белоусов

**Злой добрый Рок.
Сборник историй**

«Издательские решения»

Белоусов В.

Злой добрый Рок. Сборник историй / В. Белоусов —
«Издательские решения»,

Вам хамили в очереди? Подводили в важный момент? Вас предавали, подставляли, выгоняли с работы? Вы злились, обижались, проклинали судьбу — и не подозревали, что этот человек только что вас спас.

Одиннадцать реальных историй о людях, чьи неприятности оказались щитом от настоящей беды. Прочитайте — и, возможно, вы уже не сможете злиться как прежде. Вдруг тот, кто испортил вам день, — ваш ангел-хранитель?

Прямо сейчас он стоит у вас на пути, чтобы вытолкнуть вас из колеи, ведущей в пропасть.

© Белоусов В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
История первая. Кофе с собой	8
Столкновение	9
Развязка	11
Осознание	12
Пауза	13
История вторая. Спасительная зацепка	14
Столкновение	15
Развязка	17
Осознание	19
Пауза	20
История третья. Проклятое место	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Злой добрый Рок Сборник историй

Владимир Белоусов

«Когда небо хочет спасти человека, оно посылает ему препятствие. Когда небо хочет погубить человека, оно осыпает его удачами.»

Из трактата «Хуайнань-цзы» (вольное переложение)

Иллюстратор Нейросеть Шедеврум

© Владимир Белоусов, 2026

© Нейросеть Шедеврум, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-3725-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Я никогда не верил в судьбу. Мне казалось, что это удобная ширма для тех, кто не хочет брать на себя ответственность. «Не судьба», «на роду написано», «чему быть того не миновать» — все эти формулы пахивали капитуляцией. Я предпочитал думать, что мир управляется причиной и следствием, а всё остальное — отговорки для ленивых и слабых духом.

Но в какой-то момент я начал замечать странные вещи.

Сначала — одна история. Случайный знакомый, слово за слово, рассказал, как скандал с автохамом спас ему жизнь. Я выслушал, покивал и забыл. Потом — вторая. Уже от коллеги. Третья — от попутчика в поезде. К четвёртой я начал вслушиваться. После пятой — записывать.

Все эти истории были чем-то похожи. Обычный человек. Вокруг — обычная жизнь. Вдруг — резкое, необъяснимое, часто унижительное столкновение с чужой грубостью. Герой выбит из колеи. Его планы рушатся. Он зол, растерян, подавлен. А потом выясняется: если бы не это столкновение, с ним случилось бы нечто гораздо худшее. Иногда — смертельное.

Цепочка причин и следствий всегда была безупречна. Убери одно звено — и траектория приведёт человека прямиком в катастрофу. Но звено не убиралось. Оно вклинивалось в жизнь — нелепое, обидное, бессмысленное на первый взгляд — и оказывалось тем самым поворотным моментом, который уводил героя в сторону от края пропасти.

Я начал собирать эти истории целенаправленно. Находил героев, договаривался о встречах, записывал на диктофон, перепроверял детали. Оказалось, что таких людей много. Просто они не афишируют свой опыт — потому что он звучит слишком неправдоподобно. Слишком похоже на религиозную притчу или дешёвую мистику. Но детали сходятся. Имена, даты, места, номера уголовных дел, сводки новостей — всё подтверждается.

Вот одиннадцать историй. Одиннадцать человек. Одиннадцать встреч с Роком, который пришёл к ним не в облике ангела-хранителя. В облике хама, дурака, пьяного соседа, рассеянной подружки с гранёным стаканом.

Они не сразу поняли, что с ними случилось. Они злились, обижались, проклинали судьбу. И только время — иногда дни, иногда недели и месяцы — позволило им разглядеть в бессмысленном, казалось бы, зле спасительный замысел.

Теперь они смотрят на мир иначе. И я вместе с ними.

Несколько слов о том, как тут всё сделано и почему я до сих пор не решил, что об этом думать.

Я не писатель. Я не психолог. Я не следователь. Я человек, который ходит и разговаривает с людьми. Иногда я включаю диктофон, и человек делает вид, что не замечает. Иногда я не включаю, и потом жалею. Иногда я записываю, а потом расшифровываю и понимаю, что там почти нет мусора — человек рассказывал это не в первый раз, он давно всё пережил внутри себя и выстроил в связный рассказ. Меня это настораживает. Люди, которые говорят

гладко, обычно что-то скрывают. Но здесь другое. Здесь они не скрывают — они просто уже всё решили. А я ещё нет.

Каждую историю я проверял, где мог. Имена, даты, места, номера уголовных дел, сводки новостей — всё сходится. Не всё подряд, конечно. Кое-что не сходится, и об этом я буду говорить. Но общая канва — подтверждается. И это самое неприятное. Потому что если бы не подтверждалась, я мог бы спокойно закрыть тему: мало ли что рассказывают люди. А она подтверждается, и я не знаю, что с этим делать.

Я хочу сказать сразу: я не верю в судьбу. Не верю в ангелов. Не верю, что мир устроен по чьему-то замыслу. Я вырос в этом неверии, я в нём живу, и мне в нём удобно. Если бы кто-нибудь год назад сказал мне, что я буду собирать истории про то, как хамство спасает людей, я бы посмеялся. Но вот я собираю. И чем дальше, тем труднее мне держаться за своё неверие.

Поэтому я устрою так: сначала история. Как её рассказывает сам человек. Потом — пауза. Там я выхожу из истории и говорю то, что думаю. И я буду говорить честно. Я буду приводить аргументы против. Я буду объяснять, почему всё это может быть случайностью, совпадением, ошибкой выжившего. Я буду делать это старательно, потому что я хочу, чтобы это было так.

Но я не обещаю, что у меня получится. И это, наверное, самое важное, что я могу сказать в начале. Я сомневаюсь. Я не знаю, что это. И я не собираюсь делать вид, что знаю.

Можете пропускать эти паузы. Истории работают и без них. Но я их оставляю — потому что иначе это будет книга утешения, а я не хочу, чтобы она была книгой утешения. И не хочу, чтобы она была книгой разоблачения. Я хочу, чтобы она была книгой сомнения. Потому что я сейчас — именно там.

P.S. Все, что приведено далее, основано на реальных событиях. Имена и фамилии изменены. Детали и диалоги реконструированы.

История первая. Кофе с собой

С Андреем мы встретились на набережной канала Грибоедова. Он пришёл чуть раньше и стоял у парапета, глядя на тёмную воду. Одет небрежно, но дорого — так одеваются люди, которые больше не хотят никому ничего доказывать. В руке — стаканчик с кофе. Именно с кофе всё и началось три года назад, поэтому я сразу понял: он взял его не случайно. Такие детали въедаются в жизнь и остаются в ней навсегда.

— Вы не против, если мы просто пройдемся? — спросил он вместо приветствия. — Терпеть не могу сидеть в кафе.

Он улыбнулся краешком губ. Я кивнул. Мы пошли вдоль канала в сторону Новой Голландии. Солнце ослепительно сияло, совсем как в тот день, и город шурился бликами в окнах.

Столкновение

Тот день, 14 сентября, начинался идеально. Андрей, ведущий архитектор крупного петербургского бюро, проснулся до будильника. Солнце заливало высокие окна его квартиры на Петроградской стороне. Жена уже увезла детей в школу. Он принял душ, надел заранее приготовленный костюм — серый, итальянский, купленный специально для таких случаев — и вышел на улицу с запасом в сорок минут.

Презентация проекта «Морской фасад-2» была назначена на десять утра в бизнес-центре «Канатный» на Васильевском острове. Новое, только что отстроенное семнадцатизэтажное здание из стекла и бетона, гордость заказчика. Инвесторы из Москвы, градостроительный комитет, прямые эфиры в соцсетях — всё серьёзно. Андрей не нервничал. Он был уверен в проекте, в команде, в себе. Такая уверенность, говорил он позже, и есть первый признак надвигающейся беды. Судьба не любит самонадеянных.

Он зашёл в кофейню. Та самая сеть «Петровский кофе». Здесь его знали в лицо и всегда встречали и провожали с улыбкой. Очередь была всего из трёх человек — обычное утреннее столпотворение ещё не началось. Андрей встал четвёртым и приготовился ждать. Он уже слышал, как шипит молоко в питчере, и чувствовал запах свежемолотых зёрен. Его заказ был неизменен: чёрный американо, без сахара, в стакане объёмом ноль-четыре.

— И тут появился этот, — Андрей остановился у фонарного столба, словно заново переживая момент. — Я до сих пор помню его запах. Перегар, но не вчерашний, а какой-то застарелый, въевшийся в одежду. И ещё машинное масло.

Мужчина возник словно из ниоткуда. Невысокий, коренастый, в засаленной куртке автомеханика. Он обошёл очередь и направился напрямик к кассе, даже не взглянув на стоящих. Андрей, всё ещё пребывавший в благодушном настроении, мягко произнёс:

— Будьте добры, здесь люди ждут. Мы стоим в очереди.

Мужчина даже не обернулся. Он бросил кассирше: «Двойной эспresso» — и швырнул на стойку смятую купюру. Андрей повторил громче. На этот раз мужчина развернулся. Его лицо, небритое, покрытое красными прожилками, выражало даже не злобу, а глубинную, почти философскую брезгливость.

— Ты мне указывать будешь, композитор? — голос прозвучал глухо и хрипло. Почему-то он назвал Андрея композитором. По-видимому, в его системе координат это была высшая степень презрения.

Он схватил со стойки чей-то готовый заказ — стакан с обжигающе горячим американо, только что поставленный бариста для другого посетителя, — и резким движением плеснул его содержимое прямо в грудь Андрею. Андрей отшатнулся, но было поздно. Кофе пропитал пиджак, рубашку, потёк по брюкам. В кофейне повисла тишина. Мужчина усмехнулся, взял обратно свою мятую бумажку и вышел, не дождавшись своего эспresso.

— Вызвать полицию? — дрожащим голосом спросила девушка на кассе.

Андрей покачал головой. Он понимал: полиция не поможет вернуть время. До встречи оставалось меньше получаса. Успеть домой переодеться и потом в «Канатный» было невозможно. Он позвонил партнёру, извинился, соврал про внезапное недомогание и поехал домой — злой, растерянный, униженный. Пиджак он выбросил в урну у подъезда, не глядя.

Развязка

В квартире он первым делом встал под душ. Вода смывала остатки кофе и обиды, но не ощущение катастрофы. Он представлял, как партнёр отдувается перед инвесторами в одиночку, как трещит по швам репутация бюро, как утекает сквозь пальцы контракт.

Он как раз выключил воду, когда дом содрогнулся. Это было похоже на подземный толчок — короткий, но ощутимый, заставивший задрезбездать стеклянную полку в ванной и качнуть люстру в коридоре. Андрей замер, положив ладонь на кафельную стену. В Петербурге не бывает землетрясений — это знает каждый. Но стена под его пальцами едва уловимо вибрировала, а где-то вдалеке, со стороны Малой Невы, прокатился низкий, утробный гул. Не громкий, не оглушительный — скорее, костный, инфразвуковой, который ты не столько слышишь, сколько чувствуешь диафрагмой. Стекла в окнах остались целы, машины на улице не взвыли сигнализациями, но что-то неуловимо изменилось в самом воздухе.

Позже сейсмологи зафиксируют колебание магнитудой в одну и две десятых балла — микротолчок, который мог бы остаться незамеченным, если бы не имел рукотворную природу. Ударная волна от обрушения тяжёлой конструкции прошла сквозь грунт и воду и докатилась до Петроградской стороны — ослабленной, но всё ещё способной качнуть люстру. Такое случается. Город стоит на болоте, и плотные слои глины передают вибрацию на километры.

Телефон ожил раньше, чем он успел вытереть руки. Сообщения, звонки, новостные сводки — всё смешалось в единый поток. В бизнес-центре «Канатный» произошло обрушение стеклянного атриума, расположенного на двух верхних этажах. Огромная конструкция, которую проектировали как главное украшение здания, — зимний сад с панорамным потолком и подвесными галереями, — не выдержала нагрузки. Причиной позже назовут микротрещину в несущей балке, которую не заметили при приёмке. Атриум рухнул с высоты семнадцатого этажа, пробил перекрытие шестнадцатого и всей своей массой — стекло, бетон, стальные фермы, кадки с пальмами — обрушился на этаж ниже.

Именно там, в атриуме, за десять минут до начала презентации устроили welcome-кофе для гостей. Организаторы арендовали пространство, чтобы произвести впечатление на московских инвесторов: панорамный вид на залив, живые пальмы и папоротники, официанты с шампанским и канапе. Андрей должен был находиться именно там. По сценарию он встречал гостей у входа, провожал в атриум и лично общался с каждым из инвесторов до начала официальной части. Вместо этого он стоял голый в своей ванной на Петроградской стороне и смотрел, как дрожит стеклянная полка.

Девять погибших. Тридцать пять раненых. Его партнёр Сергей — с серьёзной травмой позвоночника, но жив. Инвестор из Москвы — в реанимации. Секретарь Машенька, которая всегда приносила ему зелёный чай вместо кофе, потому что считала кофе вредным, — погибла. Она поехала в «Канатный» без него, чтобы всё подготовить. Она стояла в атриуме с планшетом в руках и отмечала прибывших гостей. Он должен был стоять рядом.

Осознание

Позже, когда схлынули первые волны шока, началось расследование. Андрея опрашивали следователи, уточняли детали, проверяли алиби. История с кофе и хамом выглядела настолько нелепо, что в неё никто не верил. Он сам не верил. Пытался найти того человека — просматривал записи с камер, опрашивал очевидцев. Бесполезно. Мужчина словно испарился, как призрак, выполнивший свою миссию.

— Я ведь не религиозен, — Андрей повернулся ко мне, и в его глазах блеснуло что-то похожее на страх. — Но как это назвать иначе? Кто он был? Почему именно в тот день, в тот час, в той кофейне? Почему плеснул кофе, а не просто обругал? Ведь если бы он меня только оскорбил, я бы отмахнулся, дождался своего заказа и поехал. Ему нужно было физически сжечь меня. Сделать мне больно. Вытолкнуть из этой реальности. Понимаете? Слов было недостаточно.

Он помолчал, глядя на воду, и вдруг улыбнулся — грустно, но с каким-то тихим изумлением, словно всё ещё не мог поверить в разгадку, которую нашёл.

— Знаете, что самое трудное? После такого не можешь злиться на людей. Даже на самых отпетых мерзавцев. Потому что внутри тебя всегда тикает мысль: а вдруг этот грубиян, который подрезал тебя на дороге или нахамил в магазине, прямо сейчас спасает тебе жизнь? Вдруг его послали именно за этим? И ты не можешь ответить ему злом. Ты можешь только замереть и сказать про себя: «Спасибо, что вытолкнул. Прости, что не понял сразу».

Он попрощался, и пошёл в сторону набережной Мойки. Я остался у моста, провожая его взглядом. Солнце стояло всё так же высоко, заливая Петербург ровным, спокойным светом. И я вдруг подумал, что никогда больше не буду злиться на тех, кто встаёт передо мной без очереди.

Возможно, у них просто очень важная миссия.

Пауза

Я проверил историю Андрея. Обрушение в «Канатном» — было. Четырнадцатое сентября, три года назад. Девять погибших. Партнёр Сергей — есть. Секретарь Маша — есть, в списке погибших. Всё сходится.

Не сходится мужик в кофейне. Я смотрел записи с камер, опрашивал очевидцев, искал в базах. Его нет. Человек, который вылил кофе Андрею на грудь, не существует. Или существует так, что найти его нельзя.

Я спрашивал Андрея: может, показалось? Может, это был просто пьяный слесарь, который через минуту о тебе забыл, а всю «спасительную» логику ты придумал потом, чтобы объяснить, почему жив, а Маша — нет? Он сказал: «Я сам себе это говорил. Но я знаю, что я жив. И я не могу жить так, как будто этого не было».

Я хотел объяснить его историю рационально. Мне это было нужно. И почти получилось. Кроме одной вещи: в очереди стояли ещё три человека. К ним мужик не подошёл. Кофе на них не пролил. Он выбрал Андрея. Почему?

Не знаю. И чем дольше думаю, тем меньше мне это нравится.

С тех пор, как я записал эту историю, я стал замечать за собой странное. Когда мне хамят — я не отвечаю сразу. Я делаю паузу. И где-то очень глубоко тикает: а вдруг. Я не хочу, чтобы тикало. Но оно тикает.

Я не знаю, что с этим делать. Я просто записал, как было. И оставляю вам.

История вторая. Спасительная зацепка

С Верой мы встретились в чайной на Бакунинской. Она выбрала место сама — тихое, без окон, с глухими кирпичными стенами. После того, что с ней случилось, она избегает открытых пространств и большого скопления людей. Метро для неё — до сих пор ежедневное испытание.

Вера — учительница музыки. Тонкие пальцы, прямая спина, мягкий голос. Ей тридцать два. Выглядит моложе, но когда она замолкает и задумывается, в лице проступает какая-то несвойственная её возрасту собранность — так выглядит человек, который однажды понял про жизнь что-то важное и теперь носит это знание в себе.

— Хотите, расскажу, с чего всё началось? — спросила она, помешивая чай. — С гранёного стакана. Обычного, ещё советского. Я часто о нём думаю.

Столкновение

Семнадцатое августа. У Веры было свидание.

Не просто свидание — встреча с мужчиной, с которым она переписывалась три месяца. Он нашёл её в группе любителей фортепианной музыки. Представился вдовцом из Нижнего Новгорода. Прислал фотографии: статный, с лёгкой сединой, в дорогом пальто на фоне кремля. Их переписка переросла в ежедневные созвоны. Он говорил правильные слова, знал музыку, рассказывал о покойной жене так бережно, что Вера проникалась доверием всё глубже.

Она надела новое платье, купленное специально для этого вечера. Светло-бежевое, с шёлковым шарфиком небесно-голубого оттенка. В сумочке — билеты в филармонию на двоих. Он прилетел в Петербург на один день и обещал незабываемый вечер. Встреча — в семь у «Гостиного двора».

Но сначала ей нужно было заехать к подруге Ире на Васильевский и забрать ноты — редкое издание Рахманинова, которое Ира брала у знакомой пианистки и хотела вернуть через Веру. Сегодня в филармонии как раз должен был быть концерт с участием той самой пианистки, и Вера могла передать ноты перед выступлением. Она позвонила Ире с утра: «Сегодня я заеду, будь дома».

Ира была дома. Ноты лежали на видном месте и ждали, когда их заберут. Ира, как всегда суетливая и радушная, тут же предложила чаю.

— Нет времени, — отказалась Вера. — Только воды попью, и побегу.

Ира метнулась на кухню, налила воды в гранёный стакан — старый, ещё советский, из тех, что живут в доме дольше людей — и поспешила обратно. Протянула Вере. То ли пальцы у Иры были мокрые после мытья посуды, то ли Вера взяла стакан слишком поспешно, то ли обе промахнулись в момент передачи — стакан выскользнул из рук и рухнул на каменный пол коридора. Вдребезги. Осколки брызнули во все стороны.

Один — крошечный, острый как игла — задел Веру чуть выше щиколотки. Царапина, капля крови. Белые колготки порваны.

Вера присела на корточки, чтобы рассмотреть ранку. Подол платья коснулся окровавленной щиколотки — и на ткани осталось красное пятнышко. Крошечное, но заметное до ужаса.

Ира запричитала. Вера, пряча досаду, уехала домой переодеваться. Колготки в мусор, платье в стирку. Надела другое — голубое, которое нравилось ей куда меньше. Времени выбирать не оставалось. Она выбилась из графика на сорок минут.

Но и это было ещё не всё. Уже в дверях, на пороге квартиры, она полезла в сумочку за ключами, чтобы запереть замок, — и не нашла их. Обшарила карманы, заглянула под коврик — ничего. Вернулась в прихожую, обшарила коридор, заглянула в ванную, на кухню. Ключи исчезли. Она бросилась к стиральной машине — проверить карманы платья. Остановила цикл, вытащила мокрую ткань. Пусто. Тогда она принялась методично перетряхивать всё подряд: ящики, полки, пальто в прихожей, даже мусорное ведро.

Ключи нашлись через пятнадцать минут. Они завалились за подкладку сумочки, в прореху, которую Вера давно собиралась зашить. Она вывернула сумочку наизнанку и наконец нащупала их на самом дне — тёплые, маленькие, они будто специально спрятались, тихо лежали и смеялись над ней.

Она заперла дверь. Пятнадцать минут. Плюс сорок. Она опаздывала уже почти на час.

На «Петроградскую» она спустилась почти на час позже. Вагон полупустой. Села у двери, достала телефон — написать спутнику, что задерживается. «Ничего страшного, жду», — пришёл мгновенный ответ.

Она открыла его фотографию, увеличила лицо. Вгляделась в морщинки у глаз, в лёгкую седину на висках, в спокойную, чуть грустную улыбку. «Господи, — подумала она, — как же мне повезло». Три месяца переписки, созвоны до трёх ночи, голос, от которого внутри всё замирало. Она уже представляла, как они сегодня сидят в филармонии, плечо к плечу, как он после концерта возьмёт её за руку — и это будет началом совершенно новой жизни. Жизни, в которой она больше не одна. Жизни, о которой она мечтала все свои тридцать два года. Она улыбнулась своему отражению в тёмном стекле вагона — и в этот момент в вагон ввалилась компания подростков.

Не агрессивные — просто громкие, просто незамечающие никого вокруг. Один, проходя мимо, зацепился рюкзаком за Верин шарфик. Рюкзак подростка, грубый, с незатянутыми лямками-стропами, мгновенно вцепился в нежную шерсть. Шарфик натянулся, Вера вскрикнула и рефлексивно вскинула руку с телефоном. Телефон выскользнул, ударился о поручень и упал экраном вниз. Паутина трещин. Сенсор мёртв.

Подросток пробормотал «извините» и растворился в глубине вагона. Вера осталась с чёрным экраном. Номер ЕГО телефона был только в памяти этой безжизненной черной коробки. Наизусть она его не помнила. Сейчас вообще мало кто забивает свою голову информацией, которую можно легко и быстро добыть из исправного гаджета. Но гаджет перестал быть исправным, и это была катастрофа.

Поезд подъезжал к «Гостиному двору». Она вышла на платформу, соображая, где искать его без связи, — и вдруг заметила, что в руках у неё только сумочка. Папка с нотами Рахманинова осталась на сиденье. Она обернулась — двери уже закрылись. Поезд ушёл.

Вера бросилась к дежурной по станции. Та связалась с диспетчером, диспетчер — с машинистом. Папку нашли через двадцать минут на конечной. Но сказали: «Забирать только там, на конечной, под расписку с паспортом». Вера поехала на конечную. Отстояла очередь в окошко забытых вещей, заполнила бланк, предъявила паспорт — и только через час с лишним сжимала в руках драгоценные ноты. О свидании в семь можно было забыть окончательно. О передаче нот в филармонии — тоже.

Но почему-то она всё же доехала до «Гостиного двора» и, сама не понимая на что она надеялась, простояла там больше часа. Его не было. Он не пришёл. Не дождался. Не нашёл. Вера вернулась домой и проплакала всю ночь.

Развязка

На следующий день она купила новый телефон и первым делом зашла в соцсети. Профиль её спутника был удалён. Ни переписки, ни фотографий, ни общих друзей. Она терялась в догадках. Строила версии — одна невероятнее другой. Может, он попал в аварию по дороге? Может, его срочно вызвали на работу? Он увидел её издалека, и она ему не понравилась? Последняя мысль мучила её особенно долго.

Дни шли, а он не объявлялся. Словно его никогда и не было. Она перерыла интернет в поисках хоть какого-то следа — ничего. Двоюродный брат, проживающий в Нижнем Новгороде, пытался пробить его по местным базам — безрезультатно. Компания, где он по его рассказам работал, не подтвердила его существование.

— Может, тебе в полицию сходить? — в шутку предложила Ира.

И Вера пошла.

В отделении её выслушали с лёгкой улыбкой. Молодая девушка-дежурная записала что-то в журнал, попросила фотографию — ту самую, на фоне кремля, которую Вера предусмотрительно сохранила в облаке — и сказала стандартное: «Мы вас оповестим». Вера вышла на улицу с чувством, что её мягко послали подальше.

Через три дня раздался звонок. Следователь пригласил её приехать.

На столе лежала всё та же фотография — её спутник, только под другой фамилией. И под третьей. И под четвёртой. Серийный брачный аферист, в розыске по четырём регионам. Схема: два-три месяца переписки, первое свидание, стремительное развитие отношений, предложение руки и сердца, переезд к жертве, регистрация брака. А дальше — исчезновение с деньгами. Он уговаривал женщин продавать жильё якобы для покупки общего дома, оформлял доверенности, подсовывал документы на подпись. Три его бывшие жены остались без крыши над головой. Одна пыталась судиться — безуспешно. Вторая не смогла оправиться от столь сильного потрясения, серьезно заболела и скоро умерла. Третья пропала без вести. По слухам вроде уехала с новым мужем куда-то в Краснодарский край, но поиски ее не дали результата.

— Но это ещё не всё, — сказал следователь и пододвинул другую фотографию.

Вера взглянула и не сразу поняла, что видит. Женщина. Вернее труп женщины. Светлые волосы, тонкие черты, чуть за тридцать. Четвёртая жертва. Её тело нашли за две недели до Вериного свидания в лесополосе под Нижним Новгородом. Ножевое ранение. Квартира продана. Банковский счёт опустошён.

— Мы объявили его в федеральный розыск за два дня до вашего свидания, — продолжал следователь. — Ориентировки разослали по всем вокзалам и аэропортам. Мы не знали, на кого именно он охотится в очередной раз.

Он сделал паузу.

— В тот вечер, семнадцатого августа, наш сотрудник опознал его у станции «Гостиный двор». Тот стоял в вестибюле метро и кого-то ждал. Сотрудник попытался его задержать, но аферист ударил его и бросился бежать. Ему удалось скрыться.

Следователь помолчал и добавил:

— Знаете, Вера, вы родились под счастливой звездой. Если бы вы пришли вовремя, вы могли бы стать его следующей жертвой.

Осознание

Я спросил, как она теперь относится к тому дню.

— Я часто думаю о цепочке событий, — сказала она, глядя в чашку. — Стакан. Колготки. Ключи. Подросток с рюкзаком. Забытые ноты. Каждое звено — мелочь, ерунда. Но уберите любое — и я пришла бы вовремя.

— А ключи? — спросил я. — Зачем они понадобились в этой цепочке?

— Ключи — самое хитрое звено, — она улыбнулась. — Представьте: я стою в прихожей с вывернутой сумочкой и не могу найти ключи. Я готова сдать. Остаться дома. Но если бы я осталась дома, меня был бы работающий телефон. Я бы дозвонилась ему, извинилась и перенесла встречу. И пошла бы к нему снова — и тогда никакой полицейский не спас бы меня. Ключи должны были найтись. Чтобы я вышла из дома. Чтобы попала в тот самый вагон с теми самыми подростками. Чтобы разбился телефон. Чтобы исчезнуть для него навсегда. Я нашла ключи — и потеряла его.

Она поднялась, накинула плащ. У дверей обернулась:

— Когда со мной случается что-то неприятное, я теперь не злюсь. Я замолкаю и прислушиваюсь. Вдруг это только что сомкнулось очередное звено очередной цепочки, которая возможно отводит меня от страшной беды?

Колокольчик над дверью звякнул. Я остался допивать остывший чай. На экране телефона высветилось сообщение, и я вдруг поймал себя на том, что читаю его совсем иначе, чем раньше. Будто между строк можно разглядеть чью-то невидимую руку.

Пауза

Историю Веры я проверил. Дело было. Аферист в федеральном розыске — был. Четвёртая жертва — была, её нашли в лесополосе за две недели до Вериного свидания. Всё сходится.

Не сходится сотрудник, который опознал афериста у «Гостиного двора». Я не смог его найти. Может, он есть, но в документах он не упоминается. Может, его не было. А может, именно он, а не стакан и не ключи, спас Веру по-настоящему.

Две версии. Мистическая: цепочка выстроена, всё сомкнулось. Рациональная: это были случайности, а спас её полицейский. Я хочу верить во вторую. Должен верить. Потому что если верна первая — то для Веры цепочка нашлась, а для той женщины под Нижним Новгородом нет. Я не хочу жить в таком мире.

Но есть одна вещь, которую я не могу объяснить. Ключи. Прореха в подкладке. Вера носила эту сумочку годами, и ключи ни разу за неё не падали. Ни разу. А в тот вечер — упали. Я спросил, что она об этом думает. Она засмеялась: «Я думаю, что сумочка знала».

Я не верю, что сумочка знала. Но объяснить, почему ключи упали именно тогда, я не могу.

Я не знаю, что с этим делать. Я просто записал, как было. И оставляю вам.

История третья. Проклятое место

С Григорием Львовичем мы встретились в Летнем саду. Он сам выбрал это место — сказал, что после всего случившегося его тянет к старым деревьям. «Только не подходите близко к тополям», — добавил он со зловещей улыбкой, от которой у меня пробежал холодок по спине.

Григорий Львович — профессор филологии, семьдесят два года. Интеллигент до мозга костей. Речь плавная, округлая, каждое слово словно обкатано во рту, прежде чем выйти наружу. Одет аккуратно, но неброско — старый твидовый пиджак, потёртый на локтях, шерстяной шарф, который дочь подарила ему десять лет назад. Вещи, как и люди, заслуживают долгой жизни, — считал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.